

ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

И.ТОЛПИНА*

В статье обсуждается психодинамический подход к изучению душевной жизни человека, исследуются методологические основания данного подхода. Автор опирается в своей работе на философские идеи М.Мамардашвили с целью более глубокого осмысления пространства психодинамического мышления.

С психодинамических позиций рассматривается понятие «идентичность». За основу исследования берутся структурные и динамические концепты психоанализа. Особое внимание уделяется вкладу в развитие данного понятия теории объектных отношений.

Идентичность понимается как результат сложного процесса формирования интрапсихических структур, называемого в психоанализе интернализацией. Психоаналитическая идеология позволяет артикулировать понятие «идентичность» таким образом, что самоощущение человека разворачивается в рамках этого понятия в сложную картину, где его субъективный опыт, оказывая влияние на формирование психических структур, интегрируется и преломляется в динамике актуальной внутренней жизни.

Методологическое введение

Соприкосновение с психологической реальностью при условии гносеологического подхода к ней неминуемо требует, чтобы в работу включился некий ментальный аппарат, позволяющий осуществить познание данной реальности. Необходимость такого аппарата определяется не столько особенностями и требованиями изучаемой реальности, сколько природой самого познания.

В культуре последних двух веков главенствовала теория познания, суть которой заключалась в общей установке истолковывать существующие связи и смыслы с точки зрения того, какими они должны быть. Тем самым, она ставила перед собой задачу предписывать некие нормы познавательному процессу, поясняя и обобщая идеальный смысл его объективности и тех связей, в каких эта объективность достигается. Такая теория давала нам наблюдающее мир устройство, которое по правилам научной методологии должно быть максимально отделено от наблюдаемого объекта, выражая тем самым объективную позицию субъекта наблюдения. Эксплицировать содержание, согласно данной теории, – значит смотреть на мир изнутри понятия глазами его внутренней сущности.

Возможен, однако, и другой, не нормативно-законодательный взгляд, допускающий, что «акт познания является реальным событием какой-то

* *Толпина Инна Абрамовна – клинический психолог, школьный психолог школы № 1311 с углубленным изучением еврейского языка и традиции, студентка программы по психоаналитической психотерапии Московского Психоаналитического Общества (ИППиП).*

действительности и не сводится к содержанию самого себя» (Мамардашвили, 1996). Возможна теория, которая устанавливает связь субъекта познания с уходящим в бесконечность миром знания и выявляет образования, продуктом которых являются наши мнения. М.Мамардашвили утверждал, что живое познание есть область формотворчества, имея в виду, что оно предполагает работу или движение неких структур, которые, соприкасаясь с реальными событиями, образуют пространство и ткань самого познания. В этом смысле, по словам автора, формы познания упорядочивают мир своими рожденьями. Так, например, «структура глаза и его появление есть выполняемая зримость «мира» (Мамардашвили, *op.cit.*). Эти философские идеи о природе познания кажутся нам весьма плодотворными. Хотелось бы посмотреть, какой эффект способны дать эти идеи в приложении к психологическим научным изысканиям.

Целью настоящей работы является попытка подойти к психологическому понятию, а также к теории, это понятие порождающей, как к некому ментальному пространству – пространству, в котором строится и может воспроизводиться определенная познавательная деятельность. Мы хотим проследить, каким образом в данном пространстве рождается опыт понимания психологической реальности. И, как уже говорилось, нам важна не столько нормативная сторона процесса понимания, не трафарет, по которому он строится, и не оценка степени его объективности. Интерес представляет способ, каким живет эта познавательная «форма», каким образом она «упорядочивает мир своим рождением» и какие мысли о реальности могут возникать внутри нее. Похоже, что прежде, чем исследовать эмпирически некий феномен, важно не просто дать ему название и определение. Органически необходимо увидеть, каков механизм появления самого понятия. Если возможно этот процесс почувствовать, понятие становится активной формой для понимания. Оно не данность, выраженная в словах. Само понятие выступает как живой организм. То есть его артикуляция и экспликация зависит от процессов, происходящих в поле соприкосновения пространства мышления и реальности, по поводу которой это мышление происходит.

Если мыслить подобным образом, то проблема понятия, например понятия *идентичность*, – это вопрос о том, из чего и как оно вырастает или может вырасти таким, чтобы оказаться эффективным для процесса познания. Ответить на вопрос об эффективности понятия можно, лишь указав на то, как оно соотносится с теорией, с одной стороны, и, в нашем случае, с психопатологической реальностью, с другой. Здесь заключен один тонкий нюанс. Очевидно, что любое понятие – производное более общей теории. Столь же очевидна проблема верификации понятия. Ускользает вопрос

связи теории и понятия, точнее, ткань мыслительной процедуры его конструирования, а отсюда возникают разочарования в процессе эксперимента и претензии в невозможности эмпирического изучения понятия. Во что на первых порах упирались исследователи, которые шли за Э.Эриксоном и пытались говорить его языком, используя понятие идентичность, активно введенное ученым в психологическую теорию и практику? Упирались в неработающую на практике конструкцию, или в отсутствие того, что М.Мамардашвили называл конструирующей мир формой понимания.

По словам Мамардашвили, эмпирия понятия есть эмпирия экспликации самого этого понятия. Вернее говорить, что проблемой понятия или его соответствия реальности является отношение не знания (понятия) «А» к объекту А, а структурированного, организованного посредством «А» множества единичных, наблюдаемых феноменов – A_1, A_2, \dots, A_n – как к объекту А, так и к понятию «А». Это отличается от традиционного понимания эффективности.

Некоторые особенности психодинамического мышления

Мыслительные пространства бывают разными. Иногда взаимный переход из одного пространства в другое оказывается невозможным. Трудно, например, представить гармоничный переход от теории деятельности к психоаналитической теории, и обратно. Но возможны и *пересечения пространств*. Тем порождающим мысль пространством, о котором говорилось выше, в нашем случае будет пространство психодинамических исследований психики. Мы попробуем посмотреть, как интересующее нас понятие идентичности раскрывается и наполняется смыслом в свете психодинамического взгляда на внутренний мир человека.

Анализ многих психологических теорий убеждает, что любое психодинамическое мышление пытается ухватить в своем предмете момент целенаправленной активности. И неизбежно эти попытки приводят, прежде всего, к конструированию *структуры* психического, а далее – к отслеживанию и обдумыванию *процесса движения*, порождения, актуализации или трансформации этой структуры. Получается, что любое психодинамическое исследование неминуемо – *структурно-динамическое*, иначе оно лишено смысла. В очень разных исследованиях, с разной исторической базой, можно уловить эту тенденцию (например, в анализе А.Н.Бернштейном процесса построения двигательного акта или О.Кернбергом – патогенеза пограничных расстройств личности). Всегда речь идет о психическом как явлении, имеющем структуру, подверженную закономерному движению.

Это причинно обусловленное движение и есть изучаемая динамика. Данное движение может быть связано с перерождением структуры, приобретением ею совершенно новых качеств, что таит в себе развитие, в том числе и развитие психической патологии.

Особый интерес, с точки зрения психодинамики, представляет психоаналитическая теория. Она дает нам возможность рассмотреть проблему идентичности психодинамически, в разных аспектах, учитывая множество нюансов психологического развития.

Структурно-динамический анализ

Если говорить о психоанализе как о ментальном пространстве, то легко обнаружить, что оно чрезвычайно многомерно. В настоящее время существует несколько структурных концептов, составляющих его остов. Именно их интегрированное использование, на наш взгляд, может позволить наиболее полно артикулировать понятие «идентичность» и на основе этой артикуляции построить соответствующее ему эмпирическое исследование.

Впервые понятие «идентичность» было детально рассмотрено Э.Эриксоном в работе «*Детство и общество*» (Erikson, 1950). В своих рассуждениях автор опирался на теоретическую модель Фрейда: он сохранил фрейдовское понимание влечений, защит, идентификаций и стадий развития как компонентов понимания идентичности. Однако Эриксон использовал данный термин, скорее, как экзистенциальную метафору. Он, по замечанию Шафера (Shafer, 1968), рассматривая концепты Фрейда в контексте жизненных тем и, адресуясь к этим темам, выступает как экзистенциалист, а тем самым – отходит от фрейдовских приоритетов, которые требуют, чтобы объяснения двигались от содержания к формалистичным понятиям. Отстаивая чистоту психоаналитического подхода, Шафер приходит к заключению, что понятие «идентичность» в формулировке Эриксона блокирует дальнейшее теоретическое продвижение, приводя лишь к теоретическому смешению, поскольку оно феноменологично, экзистенциально и интенционально в своем ядре. В то же время он отмечал, что аналитики, использующие понятие Эриксона, стремились, прежде всего, ввести активную личность в метапсихологию и клинический дискурс, что являлось вполне обоснованной тенденцией.

Разделяя критику Шафера, мы полагаем, что использование идентичности в качестве теоретического концепта может быть достаточно эффективным при условии несколько иной, чем у Эриксона, артикуляции данного понятия.

Х.Томе и Х.Кехеле (1996) отмечают, что при феноменологическом рассмотрении идентичность Э.Эриксона выступает «сиамским близнецом»

концепта Я, как его понимал Х.Кохут. Теория нарциссизма Кохута отталивается от *самоощущения* как центральной личностной координаты и дает бесценную пищу для аналитического ума. Понятие «идентичность», будучи отголоском или даже близнецом концепта Я и самоощущения, предоставляет возможность рассмотреть их в особом, очень ценном, на наш взгляд, ракурсе, не исключая и некоторых смысловых пересечений в употреблении терминов.

Понятие «идентичность» отсылает нас к нескольким, скорее, универсальным, а не только психоаналитическим идеям. Одна из них – идея наличия в психике разнообразных структур и сложно интегрированных связей между ними. Эриксон в своей теории реализовал эту идею в метафорической форме. Высказываясь по данному поводу как философ, М.Мамардашвили говорил, что проблема, которая в психологии называется проблемой *identity*, или тождества с самим собой, – это проблема существующего в нашем опыте «реального синтеза», который дает человеку ощущение того, что он есть (Мамардашвили, 1997). Философ рассуждал об этом в контексте проблемы изменения человека. Для нас же важно, что при рассмотрении разных клинических вопросов понятие идентичности позволяет удерживать в голове идею о сложной и динамической природе любого психического проявления. Более того, не только удерживать, но и стремиться реализовать эту идею в процессе живого мышления о душевной жизни человека.

Выше говорилось, что существует несколько концептов, составляющих остов психоаналитического знания. Концепты эти находятся в сложной взаимосвязи между собой. Исходя из целей настоящей работы, важно отметить, что многие психоаналитические мысли «кружатся» вдоль такой мыслительной оси, как *структурный анализ психики*. Можно сказать, что психоаналитические идеи обитают в структурном анализе, как пчелы в улье: рождаются, умирают, улетают, прилетают и т.д. И, пожалуй, наиболее живописным их кружение становится, когда происходит связывание структур в единое динамическое целое.

Выбор нами понятия идентичности в качестве предмета исследования определяется диагностическими и теоретическими соображениями, близкими к идеям О.Кернберга, которые заставили его ввести данное понятие в качестве диагностического параметра для оценки тяжести личностного расстройства в ходе структурного интервью. Рассуждая о пограничной личности, Кернберг писал, что с психоаналитической точки зрения термин «*структурный анализ*» имеет ряд значений. Во-первых, он предполагает выделение в психике трех структур: Эго, Ид и Супер-Эго. Таково первоначальное его значение, введенное З.Фрейдом. Второе – восходит к взглядам

Х.Хартмана, Д.Рапапорта и М.Гилла и связано с подразделением вышеуказанных структур на подструктуры, обладающие соответствующими им функциями. Это свое значение термин «структурный анализ» приобретает при рассмотрении когнитивных и защитных структур, в первую очередь – первичного и вторичного процессов мышления, совокупности защитных механизмов и защитных аспектов характера. Третье, упоминаемое Кернбергом, значение используется при описании анализа структурных образований интернализированных объектных отношений. Хотелось бы продолжить этот ряд, добавив идею выделения в личностной структуре *уровней* или *модусов психического опыта*, которые попеременно выступают по отношению друг к другу в качестве то основной фигуры, то фона психической жизни человека (Ogden, 1989; Кадыров, 1996).

Динамический анализ в психоаналитической традиции опирается на понимание природы душевных процессов, развитое Фрейдом. Он писал: «Мы стараемся не просто описать и классифицировать явления, но и понять их как знаки взаимодействия душевных сил, как проявление целенаправленных намерений, работающих согласованно или во взаимной оппозиции. Нас интересует *динамический взгляд* на душевные явления» (цит. по: Томе, Кехеле, 1996, с.68). Динамический анализ, идущий от Фрейда, оперирует такими понятиями, как влечение, либидо, агрессия, катексис, аффект. Понимание и использование этих понятий в психоанализе сопряжено с рядом трудностей. Томе и Кехеле (*op.cit.*), подробно обсуждая данные затруднения, указывают на особое положение метафор в психоаналитическом дискурсе. Фрейд, пытаясь объяснить индивидуальный субъективный опыт средствами теории душевного аппарата, вводил метафоры, объединяющие в себе явления возбуждения, разрядки, катексиса, связи и пр. Ничего не определяя сами по себе, сравнения, как писал Фрейд, помогают нам чувствовать себя уютнее на незнакомой территории. Своим происхождением эти метафоры обязаны нейрофизиологии конца девятнадцатого века. Парадокс заключается в том, что многим психоаналитическим метафорам из нейрофизиологии до сих пор приписывается научная валидность, хотя они не получили адекватного эмпирического обоснования. Несмотря на то, что с годами многие метафоры приобрели психодинамические смыслы, весьма далекие от первоначальных, некоторым аналитикам трудно отказываться от метапсихологии Фрейда.

Фрейд писал, используя слово *катексис*, следующее: «С экономической точки зрения, психоанализ предполагает, что психические представители влечений обладают зарядом (катексисом) определенного количества энергии и что назначение душевного аппарата состоит в препятствовании накоплению этих энергий и поддержании возбуждения на возможно более

низком уровне. Ход душевного процесса автоматически регулируется «принципом удовольствия-неудовольствия»; и неудовольствие, таким образом, соответствует возрастанию возбуждения, а удовольствие – его убыванию» (*Freud, 1926, p.265-266*).

Фрейд понимал влечения как переход между физическим и психическим, или как психический процесс, укорененный в биологии. Он предполагал, что мы можем узнать о влечениях, обращаясь к их психическим репрезентациям, – идеям и аффектам. Д.Рапапорт описывает, как с течением времени менялось представление Фрейда об аффектах. Первоначально он считал их почти полным эквивалентом влечений; к 1915 году Фрейд стал рассматривать их в качестве процессов разрядки влечений; наконец, в 1926 году он приходит к выводу, что аффекты являются врожденными предпосылками Эго (*Rapaport, 1953*).

О.Кернберг, исходя из современных эмпирических исследований аффективного поведения и нейропсихологии, определяет аффекты как биологически заданные, активируемые в процессе развития психофизиологические паттерны (*Кернберг, 1998*). Именно организованный особым образом психический аспект этих паттернов, по его мнению, образует агрессивное и либидинальное влечения, описанные З.Фрейдом. При этом либидо как влечение является высшей иерархической интеграцией связанных с эротикой аффективных состояний, а сексуальные влечения – более ограниченными, «урезанными» интеграциями соответствующих аффективных состояний.

Аффекты включают в себя субъективное переживание боли или удовольствия, когнитивный и экспрессивно-коммуникативный элементы, а также нейровегетативные паттерны разрядки. Они рассматриваются Кернбергом как первичные мотивирующие силы психического развития.

Предлагаемая Кернбергом трактовка значительно шире, чем традиционный психоаналитический подход, объясняющий аффекты исключительно как процессы разрядки. При этом он ссылается на работы Э.Якобсон, подметившей, что состояния напряжения (например, сексуального возбуждения) могут быть приятными, тогда как разрядки (например, тревоги), напротив, мучительными. Это наблюдение позволило Якобсон сделать заключение, что аффекты следует рассматривать как сложные феномены психического напряжения.

Э.Якобсон пыталась понять, какую роль играют аффекты в формировании репрезентаций, являющихся компонентами Эго и Супер-Эго. По ее мнению, аффективные аспекты репрезентаций представляют собой клинические проявления влечений. Иначе говоря, какое бы производное влечений ни было диагностировано в клинической ситуации, пациент в любом

случае переживает в этот момент образ или репрезентацию «Я» в их отношениях с образом или репрезентацией другого человека («объекта») под воздействием соответствующего сексуального или агрессивного аффекта.

По мнению Кернберга, как только влечения консолидировались в виде руководящей иерархически организованной мотивационной системы, любая их активация в контексте интрапсихического конфликта становится представленной активацией соответствующего аффективного состояния. Последнее же включает интернализированные объектные отношения – репрезентацию «Я», связанную, под влиянием определенного аффекта, с конкретной репрезентацией объекта.

Наиболее ранние, приятные, аффективные пиковые переживания недифференцированных Я- и объект-репрезентаций в условиях абсолютно хороших отношений могут рассматриваться, по Кернбергу, в качестве *ядра* переживания самого себя.

Аффекты являются первичной мотивационной системой в том смысле, что они находятся в центре любого из бесчисленных конкретных удовлетворяющих или фрустрирующих переживаний младенца при взаимодействии с окружающей его средой. Влечения, при этом, проявляются не просто в виде аффектов, но посредством активации специфических объектных отношений, включающих в себя аффект.

Таким образом, обсуждение динамических аспектов душевной жизни в психоаналитическом дискурсе включает в себя подробное рассмотрение мотивационных сил, приводящих в движение психические структуры. Один из возможных психодинамических подходов, озвученных в психоанализе О.Кернбергом и его единомышленниками, опирается на современные нейрофизиологические исследования и представляет собой попытку связать воедино теории влечений, аффектов и объектных отношений. Следуя за Кернбергом, важно подчеркнуть, что динамика формирования психических структур в онтогенезе и актуализация их взаимодействия в каждый текущий момент зависят от особенностей раннего психического опыта младенца. Пиковые аффективные состояния, как негативного, так и позитивного характера, исходно организуют динамическую матрицу психического опыта, объединяя представления ребенка о себе и значимых для него объектах в сложные интегративные структуры.

Любая психодинамическая гипотеза относительно развития и функционирования таких психических структур, как Эго, Ид и Супер-Эго, а также относительно других структурных аспектов личности, может опираться, таким образом, на представление о роли аффективных состояний в динамике душевной жизни. Рассмотрение этих элементарных движущих сил осмыслено, в рамках предлагаемой нами концепции, только внутри систе-

мы объектных отношений, которая представляет собой неотъемлемую координату психоаналитического мышления.

Теория объектных отношений в свете проблемы идентичности

Вторая половина минувшего века явилась для психоанализа временем постепенного перехода от традиционной модели структуры влечения к модели объектных отношений. Многие школы и направления в психоанализе отталкиваются в своих теоретических построениях от одной общей идеи: они приписывают отношению с объектом главную роль в психической жизни человека.

В сложном спектре теории объектных отношений можно выделить два отчетливо очерченных направления. Первое из них пытается быть верным наследием З.Фрейда и развивает теорию объектных отношений, исходя из его предположений и гипотез. Это направление понимает объектные отношения как дополнение, обогащение и развитие теории структуры и влечений. Другое направление исходит из более радикальной позиции, понимая объектные отношения как нечто новое и неоднозначно согласующееся с теорией Фрейда. Между этими двумя полярными позициями мы находим множество приверженцев психоаналитического учения, взгляды которых можно отнести к промежуточным вариантам.

Первый шаг на длинном пути развития теории объектных отношений сделала Мелани Кляйн. Ее теория тесно связана с традицией Фрейда, где влечениям отводится роль ключевых элементов человеческой психики. Однако, по мнению Кляйн, влечения почти на генетическом уровне включают в себя представление об объекте, которое находит выражение в очень ранних и примитивных бессознательных фантазиях ребенка.

Поскольку это психическое представление в какой-то мере обусловлено генетически, то имеется в виду, в основном, внутренний объект. Отношения с ним проходят определенный путь развития, имеющий место в контексте взаимодействия с реальным внешним объектом.

Мелани Кляйн выделяла две стадии развития Я: параноидно-шизоидную и депрессивную. Развитие, в ее понимании, предполагает изменение субъективной позиции восприятия объекта. Параноидно-шизоидная позиция характеризуется фрагментарным восприятием другого и, соответственно, дезинтегрированным состоянием Я. По идее Кляйн, благодаря психологическим механизмам проекции и интроекции, которые формируются вслед за актами принятия пищи и удаления из тела содержимого различного рода, ребенок начинает создавать идеализированные перцепты объектов, где все хорошее и желаемое принимается вовнутрь, а все плохое и нежела-

тельное отторгается и выбрасывается наружу. Внутренний образ матери всегда оказывается амбивалентным. Она, с одной стороны, предстает заботящейся и дающей, но, с другой, неминуемо связана с болью, страданием и чувством потери. Если взаимодействие с матерью большей частью доставляет ребенку удовольствие, то у него формируются образы, составляющие основу его общего позитивного самочувствия и чувства базового доверия к окружающему миру. В дальнейшем на этой основе развивается способность к дифференциации и тестированию реальности. Пока в психике властвуют законы параноидно-шизоидной позиции, позитивные и негативные аспекты одного и того же объекта расщеплены и воспринимаются в фантазии ребенка как полностью независимые друг от друга абсолютно хорошие или абсолютно плохие инстанции.

Депрессивная позиция предполагает иную эго-организацию, благодаря которой объекты воспринимаются более целостно и реалистично. Постепенные изменения, происходящие под натиском депрессивной позиции, приводят к расширению психологических возможностей субъекта. Повышается выносимость в отношении амбивалентных чувств, и вместе с этим развивается способность к символизации и дифференциации внутренней и внешней реальности. Центральным переживанием этой стадии является «депрессивная тревога», которая представляет собой комбинацию разного рода чувств, вызванных воображаемым состоянием объекта. Суть тревоги составляет страх смерти или невосполнимого повреждения объекта, а также чувство вины и собственной ответственности за причиненный ему вред. Если боль утраты и вины становится настолько сильной, что от нее нельзя защититься, то происходит регресс на параноидно-шизоидную стадию. Успешная переработка депрессивной тревоги, напротив, гарантирует ребенку чувство безопасности и самоуважения. Если в его глазах состояние матери остается устойчиво хорошим, и она способна сохранять эмпатию по отношению к его состоянию, то у него снижается страх собственной деструктивности и также формируется чувство доверия к окружающему миру.

Важный шаг на пути разработки теории объектных отношений сделал Дональд В. Винникотт, еще больше подчеркнувший важность объекта в развитии и динамике психической жизни человека. Он развил идею о роли «переходного объекта» в процессе формирования зрелой системы объектных отношений.

В разных направлениях теории объектных отношений развитие субъект-объектной связи рассматривается как процесс постепенной сепарации. Субъект от примитивных симбиотических фаз, где преобладает недифференцированное слияние между субъектом и объектом, переходит к фазам

обособления, достигая все более индивидуализированных состояний, в которых он может функционировать отдельно от объекта. Однако вопрос о центральных тенденциях этого процесса разрешался аналитиками неоднозначно.

Маргарет Малер акцентировала внимание на ведущей роли процесса дифференциации Я, предполагающего развитие ощущения себя как отграниченного и отличного от других человеческого существа, которое характеризуется уникальной аффективной жизнью и индивидуальным набором личных ценностей и целей. Она отмечала, что данный процесс проявляется на протяжении всего жизненного цикла. «Он никогда не заканчивается; он всегда сохраняет активность, причем новые фазы жизненного цикла демонстрируют новые дериваты по-прежнему действующих процессов» (Mahler, Pine & Bergman, 1975, p.3). Наблюдения Малер подтверждали точку зрения, что упорное стремление к очерчиванию собственных границ существенным образом организует процесс развития на всем его протяжении.

Малер выделила те специфические аффективные состояния, которые окрашивают процесс дифференциации Я, а также те, что возникают при его крушении. Доминирующее настроение, которым сопровождается дифференциация Я, – несомненно, восторг, проявляющийся в полуиллюзорном, но адекватном возрасту ощущении грандиозности и всемогущества.

Формулирование Кохутом (1984) роли Я-объектных функций в процессе развития привели его к совершенно иному видению психологического развития. Он возражал против постулирования сепарации как высшей цели развития и, более того, усматривал в ней свидетельство его провала. В качестве альтернативы он предложил идею сохраняющейся на протяжении всей жизни потребности в Я-объектных переживаниях и, следовательно, непрерывных, трансформируемых в направлении к зрелости Я-объектных отношений. С позиции Я-психологии, развиваемой Кохутом, Я-Я-объектные отношения формируют сущность психологической жизни с рождения и до самой смерти. Поэтому движение от зависимости (симбиоза) к независимости (автономии) в психологической сфере является не более возможным, чем в биологической сфере – движение от жизненной зависимости от кислорода к независимости от него. Достижения, характеризующие нормальную психологическую жизнь, имеет смысл рассматривать в терминах изменяющейся природы отношений между Я и его Я-объектами, а не отказа от Я-объектов.

Более поздние аналитики, например Р.Столорю, пытались мыслить интегрированно, подчеркивая, что процесс дифференциации Я всегда случается в специфической коммуникативной системе, а его крушение неми-

нуемо возникает в такой intersубъективной ситуации, где центральные аффективные состояния субъекта, связанные с развитием индивидуальной самости, отвергаются и где адекватный эмоциональный отклик на них оказывается недостаточным.

В 60-е годы в психоаналитической литературе проблема объектных отношений стала раскрываться в ракурсе понятия «*психическая репрезентация*». Одним из первых авторов, разрабатывающих представление о психических репрезентациях, был С.Новей. Существенный вклад в развитие этой теории внесли Д.Берес, Дж.Сандлер, Р.Шафер, О.Кернберг. Репрезентации объектов стали рассматривать значительно шире, чем просто специфические образы, оживающие в ответ на различные желания, хотя именно желания остаются основой подобных образов. В новом понимании, все переживания человека, относящиеся к объекту, актуальные взаимодействия с объектами, их эмоциональный фон, а также искажения аспектов реальности под влиянием влечений и фантазий являются важными характеристиками психических репрезентаций. В таком виде психические репрезентации объекта служат «схемой», которая на основе прошлого опыта (причем, не обязательно имевшего место в реальности) организует текущий опыт, образуя контекст для воспоминаний и восприятия настоящего. Определяющую роль в развитии данного представления сыграло понимание, что восприятие является не пассивным, а активным процессом «построения» текущего опыта. Внутренние репрезентации других людей формируются в ходе человеческой коммуникации. Они включают в себя когнитивные, перцептивные, эмоциональные компоненты и служат основой для антиципации последующих взаимодействий, которые могут иметь место не только в реальности, но и в фантазии.

Представления З.Фрейда об объектах как аспектах влечения, которые подлежат процессу наделения психическими энергиями, неоднозначно сочетается с более поздними психоаналитическими теориями, подчеркивающими роль интерперсональных отношений в развитии психики. Психические репрезентации объектов, будучи производными психики, необходимы для восприятия объективной реальности; они связывают между собой влечения и внешнюю реальность, поскольку своим происхождением обязаны как внешнему, так и внутреннему миру субъекта. Таким образом, использование понятия «репрезентация объекта» привело к заполнению концептуального вакуума, существовавшего между ключевыми психоаналитическими категориями.

В дальнейших исследованиях возникло два основных подхода к изучению Я- и Объект-репрезентаций. Такие авторы, как Блатт, Шимек, Глик, Ритцлер вывели на первый план структурно-когнитивные, формальные ас-

пекты психических репрезентаций. Отталкиваясь от положений Вернера (1948) о развивающейся способности индивида к артикуляции, дифференциации и интеграции объектных концептов, они разработали систему градуированного оценивания формально-когнитивных характеристик объектных отношений индивида.

Другие авторы особо подчеркивали важность аффективной составляющей репрезентаций. Мэйман, Крон, Руан, Юрист, опираясь на работы Малер и Кернберга, занимались исследованием аффективно-тематических компонентов объектных интеракций и создали шкалы для оценки уровня зрелости объектных репрезентаций и интерперсональных возможностей субъекта. Новей подчеркивал, что в репрезентациях объекта доминирует именно аффективный опыт отношений человека со значимыми другими, а не его идеаторные или когнитивные стороны. Супер-Эго, указывал он, переживается человеком, в первую очередь, как аффективное состояние, например, вины, в то время как перцептивные и идеаторные аспекты родительских фигур отходят на второй план.

В концепции С.Новей не затрагивается вопрос о возрастных изменениях в структуре репрезентаций, хотя некоторые авторы считают, что идеаторное и эмоциональное содержание репрезентаций меняется в процессе развития ребенка.

Теория развития репрезентаций разрабатывалась в работах Э.Якобсон, М.Малер, О.Кернберга, Р.Мэймана. Якобсон исследовала структурные изменения репрезентаций в ходе нормального и патологического развития. Для нее понятие Я- и Объект-репрезентаций – больше, чем просто сочетание воспоминаний, восприятий и фантазий, относящихся к Я и Объекту. В теории Якобсон им отводится место основных структурных элементов зрелого Эго. Структурный дефект психотического Эго, по ее мнению, заключается в нестабильности границ между Я- и Объект-репрезентациями. Такое явление, как тенденция к их слиянию, она считала производным от нарушений в развитии на тех ранних этапах, когда у ребенка еще не сформированы целостные Я- и Объект-репрезентации. С точки зрения Якобсон, чрезвычайно длительный процесс развития репрезентаций начинается у ребенка в 3 месяца, а опасность их слияния остается актуальной и после завершения эдипова периода развития (Jacobson, 1953; 1964).

В дальнейшем взгляд Якобсон на репрезентации как на конкретные структуры развивал в своей теории личностной организации О.Кернберг. Используя термин «репрезентация», он сформулировал положение о трех *структурных элементах Эго*, которые одновременно являются основными составляющими объектных отношений:

- Я-репрезентация или образ Я, Я-концепция;
- Объект-репрезентация, концепция Другого;
- особое аффективное Эго-состояние, отражающее особенности отношений Я-Другой.

Саморепрезентация, или Я-репрезентация – понятие, обозначающее различные способы, с помощью которых индивид символизирует переживаемый им (сознательно, предсознательно или даже бессознательно) образ себя и связанные с этим эмоции.

Объект-репрезентация – объединяет способы, с помощью которых индивид символизирует переживаемый им образ значимого Другого.

Эго-состояние – более сложное понятие, отражающее функциональные отношения между Я и объектом и связанные с ними эмоции. Композиция этих специфических аффективных Эго-состояний определяет *центральное чувство идентичности*.

Кернберг рассматривает понятие идентичность в контексте изучения целостного процесса построения интрапсихических структур, и использует, как и многие другие аналитики, для его обозначения термин *интернализация*. Этот процесс является результатом как действительных, так и фантазийных взаимодействий со значимыми объектами. На него оказывают влияние производные влечений, представленные специфическими аффективными состояниями. Под его воздействием формируется тройственная структура личности, где интернализированные объектные отношения и соответствующий им аффективный заряд образуют подразделения Ид, Эго и Супер-Эго. *Интроекция, идентификация и формирование идентичности* являются последовательно сменяющимися друг друга в процессе развития личности *уровнями интернализации*.

Интроекция, наиболее примитивная форма интернализации, возникает во время симбиотической стадии развития, когда Я- и Объект-репрезентации еще не дифференцировались.

Идентификация имеет место, когда Я- и Объект-репрезентации отделились друг от друга, т.е. на стадии сепарации-индивидуации.

Формирование идентичности, предполагая более общую интеграцию либидинально и агрессивных заряженных Я-репрезентаций в целостное «Я», связано с процессами, ведущими к формированию *целостной системы объектных отношений*.

Кернберг, вводя подобное разделение между различными формами интернализации, имел в виду зрелые формы идентификации, которые способствуют росту и развитию личности. Такие идентификации, являясь частичными и избирательными, подразумевают модификацию Я-концепции под влиянием объекта. Пока процесс установления сложных Я-

объектных связей только набирает силу и границы между отдельными репрезентациями диффузны и размыты, интернализация осуществляется с помощью интроекции и примитивных форм идентификации, включающих в себя, по Кернбергу, механизмы психотической интроекции и проективной идентификации.

Т.Огден придавал большое значение механизму проективной идентификации и осветил несколько важных аспектов, раскрывающих тот вклад, который она опосредованно вносит в процесс формирования и поддержания идентичности (Ogden, 1979). Проективная идентификация выступает как защита, благодаря которой человек дистанцируется от нежелательных и внутренне опасных частей своего Я, помещая в фантазии эти аспекты своей личности в другого. Таким образом, устанавливается форма частично дифференцированной связи с объектом: он видится отдельным настолько, чтобы использовать его в качестве хранилища частей своего «Я». Однако остается иллюзия, что чувства можно делить с другим человеком в прямом смысле этого слова. Огден отмечал, что проективная идентификация является собой путь психологического созревания, поскольку субъект проективной идентификации имеет возможность обогащать свой психологический арсенал, идентифицируясь с тем, как другой справляется с невыносимыми чувствами и переживаниями.

Р.Шафер, в деталях исследовавший процесс интернализации, писал о том, что качество интроекции зависит от того, в какой степени границы стали надежным аспектом субъективного опыта (Schafer, 1982). Интроекция – процесс, в результате которого возникает внутренняя репрезентация объекта. В формулировке Шафера, интроект представляет собой внутреннюю сущность, посредством которой переживаются прерывистые или непрерывные динамические взаимоотношения с объектом. Субъект представляет или постигает эту сущность как человека, физическую или психологическую часть человека (грудь, голос, взгляд, аффект). Они переживаются как существующие внутри тела и (или) психики, но при этом не являются аспектом или выражением субъективного Я. Интроект оказывает давление и влияние на состояние и поведение субъекта. Качества интроекта моделируются под влиянием динамически значимых характеристик внешнего объекта, однако, модель под влиянием фантазий и защитных механизмов видоизменяет оригинал. Многие авторы, по словам Шафера, подчеркивают, что интроекция – механизм, подчиняющийся желанию действовать и обходиться без внешнего объекта. Важно, что интроекция поддерживает привязанность субъекта к объекту, но видоизменяет условия ее существования. Шафер указывает на существование *первичных* и *вторичных* внутренних объектов. Первичные существуют до установления границ

(или когда границы только еще развиваются) и переживаются без ясной локализации в психическом пространстве, вторичные – возникают в период существования ясно очерченных границ. Архаическое переживание объектов может сохраняться после возникновения более артикулированных и сложных, превосходя их по важности в момент регрессии. Изменчивость границ в период ранних стадий развития, кризисов и регрессии, приводит к тому, что локализация одного и того же объекта меняется со временем в зависимости от различных условий.

Если основная цель интроекции – *сохранить* внешний объект во внутреннем мире субъекта, то идентификация призвана трансформировать Я в контексте его связи с объектом. Шафер писал, что путем идентификации субъект приобретает функции саморегуляции и характеристики объекта, значимые для субъекта. Таким образом, связь субъекта с объектом сохраняется и одновременно видоизменяется.

По мнению Кернберга, благодаря интроекции образуется самая ранняя структурная единица: Я-репрезентация – Объект-репрезентация – аффект. Он полагал, что ранние интроекты организуются согласно их аффективным качествам, так что позитивные и негативные интроекты располагаются отдельно. Когда по мере развития Я- и Объект-репрезентации становятся дифференцированными, Эго способно интегрировать позитивные и негативные интроекты, несмотря на их контрастные валентности. Одновременно с этой способностью комбинировать, развивается также другая его способность – расщеплять, т.е. разъединять контрастные интроекции с целью защиты от тревоги, вызываемой негативными интроектами. Вследствие конституциональных факторов (например, отсутствия толерантности к тревоге или чрезмерно интенсивных агрессивных влечений) или факторов окружающей среды (тяжелые ранние фрустрации) синтез интроектов противоположных валентностей может быть затруднен, и тогда начинает превалировать защитное расщепление. Как следствие этого Эго колеблется между идентификациями с различными интроектами, теряет контроль над импульсами и, в результате, идентифицируется с неинтегрированными, примитивными интроектами. В этих ранних интроектах преобладает аффективное начало, которое не подчиняется требованиям реальности. Именно их Шафер относил к первичным интроектам.

Кернберг рассматривает Я- и Объект-репрезентации в развитии, начиная с того момента, когда они еще не дифференцированы. На данной стадии внутренний опыт человека представлен совокупностью «плохих» и «хороших» (приятных и неприятных) переживаний. Такого рода недифференцированность в теории Кернберга соответствует слиянию Я- и Объект-репрезентаций в теории Якобсон.

Кернберг разработал структурную диагностическую систему, где основой дифференциального диагноза невротозов, пограничных расстройств и психозов служили три критерия:

- 1) степень и качество интеграции идентичности;
- 2) уровень и тип доминирующих и доступных защитных операций;
- 3) способность к тестированию реальности.

По Кернбергу, у *невротического* пациента все диагностические параметры достигают высокого уровня развития. Репрезентативные структуры такого пациента можно охарактеризовать как хорошо дифференцированные и интегрированные. В число защит, преимущественно используемых невротическим пациентом, входят интеллектуализация, вытеснение, замещение, реактивное образование, диссоциация.

Уровень пограничной личностной организации характеризуется диффузной идентичностью. Репрезентации не интегрированы, внутренние объекты подвержены расщеплению на «хорошие» и «плохие» части. Доминирующими защитными механизмами служат проективная идентификация, ипохондрия, пассивно-агрессивное поведение, «поведенческий выход». Однако, несмотря на ведущую роль незрелых защитных механизмов, у этих пациентов остается сохранной способностью ощущать реальность: репрезентации Я и объекта в значительной степени дифференцированы, и человек способен в определенной степени ориентироваться на внешнюю реальность.

У пациентов, находящихся на самом низком уровне личностной организации, – *психотическом*, – нарушены все три компонента. Идентичность носит диффузный характер; примитивные защитные механизмы (бредово-галлюцинаторная проекция, шизоидная фантазия, отрицание, искажение) выступают в качестве ведущих; способность к тестированию реальности сильно снижена или отсутствует. Недифференцированность проявляется в слиянии Я- и Объект-репрезентаций, способность различать отдельные аспекты себя и другого, внешнего и внутреннего, фантазии и реальности не развита. Вследствие такой недифференцированности ощущения реальности (т.е. дефекта освоения объективного мира) образуется много нарушений, и фиксация на этой стадии или регресс на нее описываются как психотическое состояние.

Одной из важных идей современного психоанализа, с точки зрения понимания развития и функционирования личностной структуры, является идея взаимодействия между примитивными (например, психотическими) и относительно более развитыми (невротическими или здоровыми) аспектами личности. Особенности этого взаимодействия определяются тем, как

происходит интеграция субъективного, в том числе, очень раннего психического опыта человека в его личностную организацию. У.Бион писал, что психика пациентов, которых можно отнести к разряду психотических, содержит не-психотическую часть личности, «подвластную разнообразным невротическим механизмам...» (цит. по: *Кадыров, 1996*). Эти части личности вовлечены в довольно сложные взаимодействия, поскольку преследуемые ими цели, как правило, антагонистичны. Психотическая часть, стремясь к реставрации разрушенного внутреннего мира и к сохранению иллюзорного могущественного контроля над объектом, пытается восстановить поврежденное Эго и избежать потенциальную или актуальную боль утраты объекта. В терминологии Кляйн такой способ психического функционирования обозначается как параноидно-шизоидная позиция. Невротическая часть пытается расширить контакт с внешней и внутренней реальностью и справиться с сопровождающими такой контакт чувствами боли, горя и вины. Это предполагает признание и переживание факта независимого существования объекта привязанности, а также возможности его утраты (депрессивная позиция).

Подвергаясь психоаналитической терапии, психотический пациент осуществляет резкие колебания между попыткой расширить контакт с реальностью (невротический аспект) и стремлением его ограничить (психотический аспект) (*Кадыров, 1996*). Уровень пограничной личностной организации соответствует такому типу функционирования, когда пациенту удается в своем регрессивном движении не становиться открытым психотиком, однако в своем прогрессивном развитии он не способен на попытку проработать проблемы и боль депрессивной позиции.

Такого рода представления о динамике личностной организации хорошо проясняют психоаналитическое понимание сущности идентичности и позволяют более полно сформулировать психодинамический аспект данного понятия.

Клиническая иллюстрация

В настоящей иллюстрации автор предпринимает попытку реализовать предложенный в теоретической части статьи принцип психодинамического рассмотрения психической реальности в приложении к случаю психотерапии семилетнего мальчика.

Взаимодействие с внутренней реальностью пациента, особенно в психоаналитическом контексте, как известно, порождает систему отношений, отражающих самочувствие человека и его мироощущение. В динамике своих взаимоотношений с ребенком, терапевт настойчиво пытался услы-

шать отголоски внутренней жизни пациента, а также понять истоки его серьезных психологических трудностей.

Родители Миши привели его к психологу в связи с проблемами, которые возникли у сына при обучении в первом классе. Основная жалоба заключалась в том, что мальчик ведет себя очень агрессивно, не способен слушаться педагога, спорит с ним, и родители устали от той критики и замечаний, которые постоянно предъявляются к ним со стороны школы. Мама сообщила, что Миша начинает драться со сверстниками, как бы заигрываясь, и эта особенность его поведения нередко приводит к кровопролитию. На первой встрече мама также рассказала о том, что Миша часто попадает в ситуации, которые можно назвать несчастными случаями, в которых он как будто не виноват, но при этом дело, как правило, складывается таким образом, что страдают другие дети. Родители Миши отметили, что им часто бывает трудно с мальчиком дома, поскольку нет ничего такого, что бы ему нравилось делать, к тому же, он очень упрямый и довольно ленивый ребенок.

По мере дальнейшего знакомства с семьей оказалось, что история Миши переполнена драматическими событиями... Он был не запланированным ребенком, и его мама собиралась сделать аборт, но в последний момент родители передумали. Мальчик родился с позвоночной грыжей, и в очень раннем возрасте ему сделали операцию, поэтому какое-то время он не мог видеться со своей мамой. В два года ему пришлось быть свидетелем насилия, которое на его глазах совершили грабители в отношении его дедушки и бабушки. В четыре года последовала операция по удалению гланд, которую Миша пережил очень тяжело: он сильно сопротивлялся, и врачи привязали ребенка к креслу. Когда родители рассказывали историю сына, было видно, что они чувствуют свою вину перед ним, и проявляют большую тревогу, не зная, соглашусь ли я работать с их ребенком или нет.

Миша при знакомстве со мной тоже проявил немалую тревогу. Он часто улыбался, но, в целом, в его образе было что-то мрачноватое. Уже на первую встречу он принес много рисунков и, уходя, сказал, что оставит их все у меня. За полтора месяца психотерапевтической работы Миша продемонстрировал широкий спектр игр, в которых отчасти звучало то, как мальчик переживает наши с ним отношения, а также и то, как тяжело семья переживает вступление в психотерапевтическое пространство. Мама Миши очень болезненно и противоречиво реагировала на появление в жизни ребенка чего-то, что не подчинено ее непосредственному контролю. Так, например, через две недели после начала терапии родители стали привозить ребенка на сеансы с опозданием, а вскоре сообщили, что не смогут приезжать два раза в неделю, так как решили отдать ребенка в бассейн. После

встречи с мамой и в результате нового договора о терапии раз в неделю, страсти немного улеглись, и родители стали привозить ребенка на сессии даже немного раньше положенного времени. Данная ситуация совпала с проявлениями злости и плохого настроения у Миши на сеансах. Он много молчал или ругал меня за то, что я ничего не делаю и как будто сплю в те моменты, когда я просто наблюдаю за его игрой. После моей встречи с мамой Миша стал чувствовать себя во время терапевтических встреч не-много свободнее и спокойнее, и его игры приняли несколько иную форму.

Именно в играх ярко проявилась динамика объектных отношений ребенка, а также особенности процессов идентификации и трудности интеграции психических репрезентаций.

В течение месяца Миша приносил на наши встречи свою любимую игрушку – робота, сделанного из конструктора. Всякий раз робот преобразался, постепенно превращаясь в существо, похожее на человека. Иногда робот участвовал в играх, иногда Миша прятал его, показав мне. Робот должен был быть спасателем или защитником, и, как правило, воевал с другими игрушками, появляясь неожиданно.

На одной из встреч Миша со всей силы ударил робота об пол так, что тот разлетелся на мелкие кусочки. При этом мальчик ругал игрушку, как строгая учительница – плохого ученика. Робот отличался от других игрушек тем, что мог драться без головы. Выяснилось, что внутри у него существует другая, «тайная» голова.

Тема органов, которые то появляются, то исчезают, особенно откровенно проявилась в другой игре, с клоуном. В отличие от всех остальных игр, эта игра не была воинственной или жестокой, скорее печальной. Сначала Миша представил, что у клоуна внезапно исчезли глаза, рот, нос, и я должна была спасти его, нарисовав ему лицо. На следующей встрече у клоуна исчезли почти все части тела, кроме туловища: ноги, руки, голова. И Миша начал упрекать меня за то, что я безразлична, невнимательна и не замечаю, как быстро исчезают части тела. Миша иногда забывает о существовании клоуна и даже просит меня не вспоминать о нем. И в то же время пугается, если не может немедленно найти игрушку, когда внезапно вспоминает о ней.

На первом этапе нашего общения Миша дал понять мне, что просто мое присутствие при его игре для него невыносимо. Я обязательно должна быть активной. В то же время любое спонтанное проявление с моей стороны вызывало у него сильное раздражение. Миша начинал требовать, чтобы я делала и говорила именно то, что он ждет от меня.

Чуть позже, когда у нас сложились более доверительные отношения, у Миши возникла идея слепить корабль-призрак, который уносит умерших в

страну мертвых. Ребенок очень настойчиво просил меня о том, чтобы я лепила человечков, находящихся на судне. Корабль жил сложной жизнью. В какие-то моменты Миша разрушал его, в какие-то – восстанавливал. Мертвые обитатели призрака постоянно с кем-то воевали и умирали вновь и вновь, несмотря на то, что уже были неживыми людьми. Однажды Миша заявил, что корабль оказался мальчиком, на которого напал зубастый инопланетянин. Роль инопланетянина выполнял канцелярский прибор для удаления скрепок, Миша называл его «челюсти». С их помощью он разорвал корабль на мелкие кусочки.

На следующий сеанс Миша принес с собой двух собачек. Он сказал, что они любят бегать очень-очень быстро. Это было похоже на то, как мальчик описывает свои игры с другом в школе. Вскоре Миша вспомнил про корабль и спросил меня, где он. Я напомнила о том, что произошло в прошлый раз. И тогда ребенок начал восстанавливать разрушенное судно. Психотерапевт вновь должен был лепить фигурки людей-призраков. Когда корабль ожил, на нем стали сосуществовать собаки и призраки. Одна из собачек была капитаном, но она отказывалась помогать призраку, когда тот тонул и взывал о помощи. В какой-то момент корабль разделился на две части, на одной остались призраки, а на другой оказались собачки и маленький слоник. Вскоре собачки и слоник поплыли к суше, где, как выяснилось в конце сессии, они стали жить и заниматься перевозкой грузов, получая за это деньги.

А на фантастическом корабле, тем временем, разразилась настоящая драма. Сделанные терапевтом фигурки-призраки превратились в двух братьев и маму. Мальчики отделили свою часть корабля от маминой, потому что захотели отправиться в плавание. Мама в результате этого умерла, в знак чего на груди у нее появился светящийся крест. Миша сказал, что если две такие мамы сталкиваются, то их кресты соприкасаются, и происходит взрыв. Тогда наступает необратимая смерть.

В этот момент Миша взял «челюсти» и с их помощью стал наносить мальчикам-призракам раны и увечья. В итоге, один из братьев умер, оказавшись разорванным на части, а у другого получилось две головы: плохая и хорошая. «Челюсти» издавали шепотом звуки, похожие на «мама-мама» или «хочу-хочу», но Миша сердился на меня, когда я указывала на это, и делал вид, будто ничего такого не происходило. Я решила спросить, действительно ли мальчики хотели смерти своей маме, или им просто хотелось попутешествовать. Миша сказал, что и то, и другое. Ведь мама не смогла уберечь детей от тех увечий, которые они получили.

Мальчик своеобразно вел себя на данной сессии. У него была как бы двухслойная речь. Некоторые вещи он говорил ясно и громко, а что-то не-

разборчиво, бурча себе под нос. Например, когда я предположила, что дети-призраки, все же, хотели бы, чтобы их мама ожила, Миша возразил мне. Но позже стал подсовывать мне мамину фигурку и шептать: «Оживите, оживите». Совместными усилиями мы восстановили сломанных человечков. Интересно, что в Мишиной фантазии расщепленная голова одного из братьев воссоединилась, «плохая» часть скрылась внутри «хорошей» и умерла там.

Важно отметить, что темы взрыва и разрушения, умирания и возрождения были ведущими лейтмотивами в играх и фантазиях ребенка на протяжении всего периода нашей работы. Частые перемены в настроении мальчика, резкие переходы от попыток вести себя дружелюбно и улыбочиво к демонстрации жестокого поведения с игрушками, а также проявления злости в адрес психотерапевта, заставляли думать меня, что Миша переживает глубокое чувство тревоги по поводу нестабильности всего хорошего, что связано с его существованием. Потребность в безопасности и жалоба на иллюзорность, хаотичность своего существования ярко проявились в играх с роботом и клоуном. Думается, что игру с роботом можно рассматривать как демонстрацию недостаточно развитой способности идентифицироваться с защитными функциями родительских фигур. Хотя такая способность имеет место, стабильность данного процесса оказывается зыбкой, а защитная функция идентификации – ненадежной. Как робот, призванный спасать и защищать, разлетается на мелкие кусочки, так и защитная функция Эго разрушается под давлением собственных деструктивных импульсов и представлений о недружественном, суровом обращении со стороны родительского объекта, выступающего в роли карающего Супер-Эго. В то же время идентификация с жестоким аспектом Супер-Эго оказывается весьма сильной. В результате, чувство защищенности, целостности теряется, на смену ему приходит переживание потери себя, частей своего тела, своих чувств, способности выживать, пока взрослый не вернет все это к жизни своей активной заботой и участием.

Игра с кораблем-призраком ярко демонстрирует, как динамично и многообразно может переживаться ребенком его собственное существование. В игре, с одной стороны, представлен аспект, опирающийся на устойчивое чувство реальности и стабильные границы Я. Имеется в виду тема с собаками, которые бегают, соревнуются, отделяются от других обитателей корабля и даже могут самостоятельно добраться до суши и делать что-то, получая за это достойное вознаграждение. В то же время с не меньшей силой заявляет о себе совсем другая сторона жизни, где сепарация связана с разрушением, деструктивные желания и травматические переживания приводят к хаосу, когда становится непонятно, где жизнь, а где смерть. На фоне

хрупкой, дисфункциональной материнской репрезентации образ Я фрагментируется и оказывается почти невозможным воспринимать себя и другого в качестве целостной человеческой фигуры. Разные аспекты и пласты переживания идентичности переплетаются, и в те моменты, когда негативный, травматический опыт, представленный чувствами страха, боли и гнева, начинает преобладать, происходит взрыв, надлом, целостность образа себя разрушается, а на первый план начинают выступать трудности дифференциации и интеграции внутреннего опыта в органичную психическую структуру.

Психодинамическая формулировка идентичности

Сводя воедино приведенные выше рассуждения, можно постулировать, что *идентичность* – результат сложного процесса формирования интрапсихических структур, называемого в психоанализе интернализацией.

Феноменологически идентичность предстает как зависящее от многих факторов и проявляющееся в разных психических модусах *самоощущение* человека. В логике психоаналитического дискурса идентичность является понятием, позволяющим определенным образом понимать ту сторону душевной жизни человека, которая связана с *собираением отдельных частиц психического опыта в целостный феномен переживания себя*. В психоанализе этот процесс интегрирования рассматривается как производная функция от общего процесса формирования психических структур.

В качестве итога процесса интернализации в представлении психоаналитически мыслящего исследователя выступает, прежде всего, *тройственная структура личности*. Одно из важных психоаналитических предположений заключается в том, что источником формирования тройственной структуры личности служит процесс интернализации объектных отношений. Интернализированные объектные отношения и соответствующий им аффективный заряд образуют структурные подразделения: Эго, Ид и Супер-Эго. Защитные механизмы, будучи еще одним структурным элементом, носят процессуальный характер и опосредуют внутрискруктурное взаимодействие. Конфигурация импульс/защита существует в рамках системы объектных отношений. Одна сторона этой конфигурации – защитного свойства, другая отражает импульс или является производной влечения. Аффективные состояния – то, через что репрезентирует себя иерархически организованная мотивационная система влечений.

Проблема интеграции психических структур в единое целое становится особенно актуальной в условиях клинической ситуации, где наши диагностические и терапевтические процедуры призваны облегчить состояние пациента. Психоаналитическая идеология позволяет артикулировать поня-

тие *идентичность* таким образом, что самоощущение человека разворачивается в рамках данного понятия в сложную картину, где опыт человека, оказывая влияние на формирование психических структур, интегрируется и преломляется в динамике его актуальной внутренней жизни.

Заключение

Изучаемое нами в данной работе ментальное пространство устроено таким образом, что выявляет и позволяет усматривать в психической жизни человека определенные структуры, а также механизмы их взаимодействия, объясняя, благодаря этому, природу и суть психического. В то же время, психоаналитическое пространство, как и любой другой ментальный мир, является порождением человеческого ума в широком понимании этого слова. И как уже было отмечено, у мыслителей, о чем бы они ни думали, существует неумолимая потребность рефлексировать и объяснять то, благодаря чему они имеют возможность думать и понимать. Процесс удовлетворения этой неумолимой потребности приводит к появлению самых разнообразных теорий познания.

Теория познания М.Мамардашвили, со ссылок на которого начиналась эта статья, отличается своеобразным толкованием процесса мышления. По его мнению, актуальное мышление всегда рождается в некоей экстремальной, напряженной точке – месте, где реализуется, исполняется человеческое существование. При этом он, не без философского пафоса, утверждал, что все осуществления, в отличие от полусуществования, связаны с определенным искусством или с техникой. Чтобы в голове человека могло случиться состояние понимания и нечто, имеющее порыв к существованию, стало на ноги, нужна хорошо структурированная, сильно сцепленная «машина», техника, аппарат. Таким «аппаратом» для Мамардашвили являлась философия, искусство (*Мамардашвили, 1992, с.401*). Для автора этой статьи – психоанализ.

И.Бродский в нобелевской лекции заметил: «В истории нашего вида, в истории «сапиенса» книга – феномен антропологический, аналогичный, по сути, изобретению колеса. Возникшая для того, чтобы дать нам представление не столько о наших истоках, сколько о том, на что «сапиенс» этот способен, книга является *средством перемещения в пространстве со скоростью переворачиваемой страницы*». Отталкиваясь от этого высказывания, можно отметить, что не только книга, но и другие антропологические феномены, в нашем случае психологические конструкты, служат тем средством, с помощью которого человек перемещается в пространстве своего бытия. Похоже, что скорость этого перемещения зависит от силы духа и

степени бодрости мыслителя, запускающего в движение тот или иной ментальный аппарат.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммон Г. Динамическая психиатрия. Санкт-Петербург, 1995.
- Бродский И. Нобелевская лекция. // Стихотворения. Таллин, «Ээсти раамат», 1991.
- Винникотт Д.В. Переходные объекты и переходные явления. // Антология современного психоанализа. М., Институт Психологии РАН, 2001.
- Иванова О. Исследование идентичности у больных с шизоаффективными расстройствами. Дипломная работа. МГУ, 1998.
- Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. М, "Класс", 1998.
- Кернберг О. Пограничная организация личности. // Антология современного психоанализа. М., Институт Психологии РАН, 2001.
- Кадыров И.М. О невротических и психотических аспектах личности и их взаимодействии в психоаналитической психотерапии. // МПЖ, 1996, № 2.
- Мамардашвили М. Как я понимаю философию? М., Издательская группа "Прогресс", 1992.
- Мамардашвили М.К. Стрела познания. М., «Языки русской культуры», 1996.
- Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М.Пруст "В поисках утраченного времени". Санкт-Петербург, 1997.
- Развитие в психоанализе. М., Академический проект, 2001.
- Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. Сковывающие узы и освобождающие связи. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000, № 1.
- Тахка В. Обращение с потерей объекта. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000, № 1.
- Фонда П., Йоган Э. Развитие психоанализа в последние десятилетия. // Психоанализ в развитии. Екатеринбург, 1998.
- Томе Х., Кехеле Х. Современный психоанализ, т. 1, 2. М., "Прогресс", 1996.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., «Прогресс», 1996.
- Assessing Object Relations Phenomena. Madison, 1986.
- Erikson E.H. The problem of ego identity // Stein M.R. et al. (eds.) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. Glencoe: The Free Press, 1960.
- Freud S. (1926) Psycho-analysis. SE, vol.XX, p.259-270.
- Jacobson E. The self and the object world. New York:International University Press, 1964.
- Jacobson E. (1953) On the psychoanalytic theory of affects. // Depression. NY: International University Press, 1971.
- Kernberg O.F. Borderline Conditions and Pathological Narcissism. NY, 1975.
- Kernberg O.F. Object relations Theory and Clinical Psychoanalysis. NY, 1976.
- Kernberg O.F. Severe Personality Disorders. NY, 1984.
- Kohut H. The Analysis of the Self. NY: International University Press, 1971.
- Kohut H. How does analysis cure? Chicago, London: University of Chicago Press, 1984.
- Mahler M., Pine F., Bergman A. The Psychological Birth of the Human Infant. Symbiosis and Individuation. NY, 1975.
- Ogden T.H. On projective identification. Int.j. psycho-anal., 1979, 60:357 (IJP) .
- Ogden T.H. The Primitive Edge of Experience. NY: Jason Aronson: Northavale, 1989.
- Rappaport D. (1953). On the psychoanalytic theory of affects. // In The Collected Papers Of David Rappaport. NY: Basic Books, 1967.
- Schafer R. A new language for psychoanalysis. NY, 1979.
- Schafer R. Aspects of Internalization. NY, 1982.